Книга II

Цена чужой памяти

ФЭНТЕЗИ · ДЕТЕКТИВ · ДРАМА

Милена Харламова

Цена чужой памяти

«Автор»
2026

Харламова М. А.

Цена чужой памяти / М. А. Харламова — «Автор», 2026

Сага "ХРОНИКИ ТОНКОЙ ГРАНИ"Что, если твои воспоминания — не вся правда? Если прошлое можно переписать, память изменить, а реальность заставить выглядеть совсем иначе?Всё начинается с загадочного Дома, которого нет на городских картах. Мильхара переступает его порог и оказывается втянута в цепь мистических событий, ведущих к тайным архивам, забытым историям и Палимпсесту — системе, способной влиять на человеческую память и восприятие мира.Постепенно открывается пугающая истина: тот, кто контролирует информацию, может управлять тем, во что верят люди, что помнят и какие решения принимают.Пять книг, полных загадок, неожиданных открытий, магии и опасных выборов, проведут вас по тонкой грани между правдой и иллюзией.Это история о тайнах, которые лучше не знать, и истине, за которую придётся бороться. О свободе мысли, силе выбора и праве каждого человека самому определять свою жизнь.А если реальность не такая, какой ты её помнишь, готов ли ты узнать правду?

© Харламова М. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. То, что осталось после тишины 5
Глава 1. Архив после нападения 8
Глава 2. Человек с двумя историями 17
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Милена Харламова
Цена чужой памяти

Пролог. То, что осталось после тишины

Весна на улице Семи Ключей постепенно уступала место лету.

Дом больше не казался чужим тем, кто приходил сюда за помощью. В его комнатах работали хранители, разбирали старые документы, обсуждали спорные случаи и учились признавать, что не на каждый вопрос существует готовый ответ.

На столе в комнате памяти по-прежнему лежала фотография с формулой:

«Память Испытание Память».

Под ней оставалась приписка:

«А потом — жизнь».

Мильхара иногда задерживала на ней взгляд, когда работа начинала казаться бесконечной. В этих словах было напоминание о том, ради чего они вообще пытались разобраться в прошлом: не ради самого знания, не ради власти над воспоминаниями и даже не ради восста-

новления каждой утраченной подробности. Всё это имело смысл лишь до тех пор, пока помогало людям жить дальше.

Случай с девушкой и коробкой они зарегистрировали отдельно. Обстоятельства её появления, слова девушки и всё, что удалось наблюдать, внесли в журнал. Коробку не стали объявлять ни угрозой, ни посланием. Для этого не хватало сведений.

Мильхара понимала, что неизвестность не становится менее настоящей оттого, что её не удалось объяснить. Но теперь она знала и другое: неизвестность не даёт права придумывать объяснение за других.

Работа продолжалась.

Арден помогал новым хранителям осваивать правила безопасного исследования памяти. Демьян занимался проходами и проверкой документов, Марфа разбирала материалы прежнего Совета. Каждый из них по-своему учился жить после событий, которые нельзя было просто отменить.

Падение Совета Безмолвия не вернуло людям всё, что они потеряли. Оно не восстановило автоматически стёртые сведения, не устранило противоречия и не сделало прежние ошибки невозможными.

Оно лишь изменило правила.

Теперь никто не должен был вмешиваться в чужую память без объяснения процедуры и согласия человека. Теперь архивные записи следовало проверять, а не принимать на веру только потому, что они хранились за закрытой дверью. Теперь даже тот, кто обладал знаниями и опытом, обязан был признавать пределы собственного понимания.

На первый взгляд это делало работу медленнее.

На деле иначе было нельзя.

Когда наступило лето, старый архив начали открывать для полной проверки.

Работа оказалась сложнее, чем предполагали. Документы хранились в разных помещениях, некоторые дела были разделены между несколькими хранилищами, а часть регистрационных книг не удавалось сразу сопоставить с сохранившимися материалами.

В прежние времена такие несоответствия редко становились поводом для долгого расследования. Достаточно было решения уполномоченного хранителя, чтобы одна запись получила преимущество перед другой. Если документ считался официальным, его содержание нередко принимали за окончательную истину.

Теперь этот порядок больше не действовал.

Каждое вмешательство в память требовало проверки. Каждое спорное свидетельство — отдельного рассмотрения. Каждое решение должно было оставлять достаточно сведений, чтобы другой исследователь мог понять, на чём оно основано.

Мильхара быстро обнаружила, что соблюдать эти правила труднее, чем соглашаться с ними.

Когда документы противоречили друг другу, ей хотелось найти связь сразу. Когда чьё-то воспоминание казалось убедительным, она невольно искала подтверждение. А когда обнаруживалась странная деталь, знакомая по прежним событиям, воображение начинало выстраивать объяснение раньше, чем появлялись доказательства.

Арден напоминал ей, что способность замечать связи ещё не означает способности безошибочно понимать их.

Демьян требовал проверять происхождение каждого документа.

Марфа не позволяла сходству старых обозначений превращаться в утверждение, пока не находилось подтверждения.

Постепенно Мильхара привыкала к тому, что исследование не всегда начинается с открытия. Иногда оно начинается с аккуратно записанного вопроса.

Именно такой вопрос однажды утром появился на её столе.

Пока это была лишь одна из многих папок, ожидавших проверки. Впереди лежали десятки других дел, и никто не мог знать, какое из них окажется важным. Но правила оставались одинаковыми для всех: сначала установить обстоятельства, затем сопоставить сведения и только после этого делать выводы.

Мильхара открыла папку.

За окном город жил своей обычной жизнью. Люди спешили по улицам, открывали магазины, спорили, мирились и возвращались домой. Для большинства из них прошлое оставалось чем-то завершённым — тем, что можно вспоминать, забывать или не обсуждать вовсе.

В архиве всё было иначе.

Здесь прошлое продолжало существовать в свидетельствах, бумагах и противоречиях. И никто больше не имел права объявлять одну версию единственно допустимой лишь потому, что остальные было неудобно проверять.

Мильхара взяла чистую карточку и приготовилась записать первое наблюдение.

Она ещё не знала, к чему приведёт эта работа. Не знала, удастся ли восстановить утраченную последовательность событий и найдётся ли объяснение каждому несоответствию.

Но она больше не считала неизвестность поводом торопиться.

Сначала — факты.

Потом — связи.

И только после этого — вывод.

Так начиналась новая работа архива.

И так начиналась история о том, что может сохраниться после падения системы, которая когда-то считала себя вправе распоряжаться чужой памятью.

Глава 1. Архив после нападения

Первое, что изменилось после падения Совета Безмолвия, — тишина перестала казаться безопасной.

Раньше она означала, что никто не задаёт лишних вопросов. Что записи лежат в положенных ящиках, чужие признания не выходят за пределы закрытых комнат, а люди, приходящие в архив, знают, о чём следует молчать. Тишина была частью порядка: такой же привычной, как замки на дверях и тонкие серые линии, которыми отмечали документы, не предназначенные для посторонних глаз.

Теперь тишина стала другой.

В ней оставалось слишком много вопросов.

Прошло несколько месяцев с тех пор, как был заключён новый договор, установивший правила работы с памятью и ограничивший полномочия тех, кто прежде мог распоряжаться чужими воспоминаниями почти без контроля. Архив постепенно возвращался к жизни. Старые помещения открывали одно за другим, документы переносили в независимые хранилища, а каждую запись, связанную с вмешательством в память, предстояло проверить.

Работа шла медленно.

Именно это больше всего раздражало Демьяна Юбкова.

— Если мы будем продолжать в таком темпе, — произнёс он однажды утром, раскладывая на длинном столе очередную стопку бумаг, — к тому времени, когда проверим последние записи, у них успеют состариться чернила.

— Чернила пережили Совет, — отозвалась Марфа Рукавишникова, не отрываясь от реестра. — Думаю, они переживут и нас.

— Утешительная перспектива.

— Я стараюсь.

Мильхара сидела у окна, перебирая карточки с описаниями архивных дел. Она подняла глаза на спорящих.

— А если мы перестанем проверять бумаги по одной и начнём искать повторяющиеся признаки?

— Мы этим и занимаемся, — ответил Демьян.

— Нет. Мы ищем повторяющиеся признаки в документах, которые уже считаем связанными. А если связь проходит между делами, которые никто не догадался положить рядом?

Демьян остановился с листом в руке.

Марфа медленно подняла голову.

— Это возможно, — сказала она.

— Ты говоришь так, будто тебе не нравится, что я это заметила.

— Мне не нравится, что ты заметила это раньше, чем я успела проверить.

— Значит, всё-таки нравится.

— Не злоупотребляй.

Мильхара улыбнулась, но улыбка быстро исчезла. За последние недели она научилась различать несколько видов беспокойства: собственное, чужое и то, которое возникало, когда привычная картина мира начинала расходиться по швам. Последнее было самым неприятным. Оно не имело ни определённой причины, ни ясного направления. Просто в какой-то момент знакомые вещи переставали совпадать.

Она посмотрела на карточки.

После заключения нового договора Мильхара старалась не воспринимать каждый странный случай как след магии. Арден настоял на этом почти сразу. Способность замечать связи между воспоминаниями не означала, что любая необычная деталь была следствием вмешательства. Иногда человек ошибался. Иногда документы противоречили друг другу потому, что их составляли разные люди. Иногда правду скрывали намеренно, а иногда никто не знал её целиком.

Самое опасное начиналось там, где предположение принимали за доказательство.

Мильхара уже знала эту разницу. По крайней мере, знала умом.

На практике ей по-прежнему хотелось сразу найти ответ.

В дверь постучали.

Не робко и не настойчиво — три коротких удара, после которых человек за дверью замер, словно не был уверен, что имеет право войти.

Демьян положил лист на стол.

— Входите.

Дверь открылась. На пороге стоял мужчина средних лет в тёмном пальто. Он держал в руке сложенную бумагу, но не смотрел на неё. Его взгляд скользнул по столам, шкафам и окну, задержался на Марфе и остановился на Мильхаре.

— Мне сказали, здесь занимаются случаями… — Он запнулся. — Случаями, когда память не совпадает с документами.

— Иногда, — ответила Мильхара. — Что случилось?

Мужчина вошёл, но дверь за собой не закрыл. Несколько секунд он молчал, словно собирался с мыслями.

— Я помню разговор, которого не было.

Демьян обменялся взглядом с Марфой.

— Вы уверены, что разговора не было? — спросил он.

— Нет. В этом и проблема.

Мужчина наконец посмотрел на сложенную бумагу в своей руке и развернул её.

— Я помню, что приходил сюда. Не в эту комнату, а в старый архив, ещё до того, как его закрыли. Мне сказали, что документы по делу моей сестры можно будет получить после проверки. Я разговаривал с человеком за столом. Он объяснил, что некоторые записи временно недоступны, и предложил прийти через неделю.

— Когда это было? — спросила Марфа.

— Три года назад. Возможно, чуть больше.

— Вы сохранили приглашение или пропуск?

— Ничего такого мне не выдавали. Но я помню разговор. Помню комнату, стол, окно с трещиной в нижнем углу. Помню, что на столе стояла чашка с отколотой ручкой. И помню, что человек сказал: «Если вы будете настаивать, вы потеряете больше, чем найдёте».

Последние слова он произнёс почти шёпотом.

Мильхара почувствовала, как её внимание непроизвольно сосредоточилось на этих словах. Не на магическом следе — она ещё ничего не пыталась воспринимать, — а на том, как мужчина их произнёс. Он не вспоминал фразу, подбирая выражение. Он словно снова слышал её.

— Вы рассказывали об этом кому-нибудь раньше? — спросил Демьян.

— Жене. Она сказала, что я, вероятно, перепутал архив с другим местом. Я пытался проверить даты, но ничего не нашёл. Потом запросил документы по делу сестры. В ответ получил копию официальной записи: в тот период я не посещал архив и ни с кем из сотрудников не встречался.

— А сестра? — спросила Мильхара.

Мужчина сжал бумагу.

— Она исчезла из моей жизни задолго до этого. Не физически. Она жива. Но после одного события перестала говорить о части нашего детства. Иногда она утверждает, что не помнит определённых вещей. Иногда говорит, что помнит их прекрасно, но не хочет обсуждать. Я не знаю, что из этого правда.

— Как вас зовут? — спросила Марфа.

— Павел. Павел Андреевич. Я принёс копию ответа архива и свои записи. Я понимаю, что это не доказательство. Но если я всё придумал, я хочу знать почему. А если не придумал…

Он не закончил.

— Тогда мы постараемся выяснить, что произошло, — сказала Мильхара.

Демьян бросил на неё быстрый взгляд. Он не возразил, но она поняла его без слов: обещать результат было рано.

— Сначала нам нужно разделить то, что вы помните, и то, что можете подтвердить, — сказал он Павлу. — Это не означает, что мы считаем вас ненадёжным свидетелем. Наоборот. Мы не хотим, чтобы одна часть вашей истории незаметно повлияла на другую.

— Хорошо.

— И ещё одно. Мы не будем исследовать вашу память магическим способом без отдельного объяснения процедуры и вашего согласия.

Павел посмотрел на него с недоверием, которое было слишком привычным для человека, пришедшего в архив после падения Совета.

— А если я соглашусь?

— Тогда сначала объясним, что именно собираемся делать, какие существуют риски и чего мы не сможем узнать даже после исследования.

— А если я не соглашусь?

— Тогда будем работать с документами и свидетельствами.

Павел впервые за всё время немного расслабил плечи.

— Я согласен на документы. Насчёт остального… пока не знаю.

— Этого достаточно, — ответила Мильхара.

Она предложила ему сесть. Марфа принесла чистый лист и записала дату обращения. Демьян подготовил отдельную папку, не смешивая её с уже существующими делами.

Они начали с простого.

Павел Андреевич назвал примерное время предполагаемого посещения, описал старое помещение, вспомнил расположение окон и дверей. Он не мог назвать сотрудника, с которым разговаривал. Лицо в воспоминании оставалось нечётким, хотя голос он помнил отчётливо. По его словам, собеседник говорил спокойно, без угроз и раздражения. Именно поэтому фраза о потере показалась Павлу особенно страшной: она прозвучала не как предупреждение, а как объяснение заранее принятого решения.

— Вы помните, почему пришли именно тогда? — спросила Мильхара.

— Получил письмо. Мне сообщили, что часть материалов по делу сестры будет доступна после дополнительной проверки. Я хотел узнать, что именно проверяют.

— Письмо сохранилось?

— Да.

Он достал из папки ещё один лист — копию уведомления с датой и регистрационным номером. Бумага была аккуратно сложена, края немного потемнели от времени.

Марфа наклонилась к документу, не касаясь его.

— Это действительно старый бланк архива, — сказала она. — По крайней мере, внешне. Но нам нужно проверить номер и подпись.

— Вы можете сделать копию? — спросил Павел.

— Только с вашего разрешения, — ответил Демьян. — Оригинал останется у вас.

Павел кивнул.

Пока Марфа готовила копию, Демьян изучал официальный ответ, принесённый посетителем. В нём утверждалось, что Павел Андреевич не проходил регистрацию в архиве в указанный период, а также что никаких встреч по делу его сестры не проводилось. Формулировка была категоричной. Не «запись о посещении не обнаружена», а «посещение не осуществлялось».

— Они не просто не нашли запись, — заметил Демьян. — Они утверждают, что события не было.

— Разница существенная? — спросил Павел.

— Для расследования — да. Отсутствие записи не доказывает отсутствия события. А категорическое утверждение должно на чём-то основываться.

— Значит, они могли знать?

— Пока мы знаем только, что формулировка сильнее, чем позволяют предъявленные нам материалы.

Мильхара следила за разговором. Она старалась не искать в словах Павла скрытую магию, не прислушиваться к каждому эмоциональному всплеску. Арден называл это «не позволять собственному ожиданию отвечать вместо мира». Мильхара считала выражение раздражающе точным.

Когда Павел ушёл, договорившись вернуться через два дня, комната на несколько минут погрузилась в рабочую тишину.

— Обычная ошибка памяти всё ещё возможна, — сказал Демьян.

— Конечно, — ответила Марфа.

— Но официальный ответ вызывает вопросы.

— Да.

— И ты узнала бланк.

— Я сказала, что он похож на старый.

— Марфа.

Она подняла глаза.

— Я не буду утверждать, что документ подлинный, пока не проверю номер. И не буду утверждать, что он поддельный только потому, что мне не нравится его содержание.

Демьян некоторое время смотрел на неё, затем кивнул.

— Хорошо. Проверяй.

Мильхара разложила копии на столе.

— Нам нужно найти исходный журнал посещений.

— И журнал выдачи документов, — добавил Демьян. — Если Павел действительно приходил, след мог остаться не там, где мы ожидаем.

— А если его намеренно удалили?

— Тогда отсутствие записи будет только одной из улик. Не доказательством само по себе.

Мильхара вздохнула.

— Ты когда-нибудь устаёшь от того, что всё требует ещё одного подтверждения?

— Постоянно.

— И всё равно продолжаешь?

— Потому что альтернатива — объявлять виновным первого, кто показался подозрительным.

Марфа молча взяла копию уведомления и ушла к шкафам с регистрационными книгами.

В этот момент Мильхара впервые заметила на нижнем краю официального ответа тонкий серый след. Он выглядел как обычный дефект копирования: короткая линия, едва заметная под печатным текстом. Она наклонила лист к свету.

Линия не исчезла.

— Демьян, посмотри.

Он подошёл ближе.

— Что именно?

— Здесь что-то есть.

Он осторожно повернул бумагу, затем достал лупу. Под серым следом обнаружились ещё две короткие черты. Все три были расположены рядом, но не параллельно. Они словно обрывались у невидимой границы.

— Похоже на техническую отметку, — сказал Демьян.

— Или на дефект копирования.

— Да. Поэтому мы не будем пока называть её знаком.

Он записал расположение отметки и номер документа.

Мильхара посмотрела на соседнюю папку. В ней лежала копия другого дела — не связанного с Павлом, не относящегося к исчезновению его сестры. Документ был получен из другого хранилища и проверялся по отдельной процедуре. На нижнем поле одной из страниц она увидела похожую серую линию.

— Подожди.

Она положила листы рядом.

На первом документе три короткие черты находились внутри едва заметного незамкнутого прямоугольника. На втором прямоугольник был почти стёрт, но три черты повторялись в том же порядке.

Демьян перестал записывать.

— Откуда эта копия?

— Из дела о временном ограничении доступа к воспоминаниям, — ответила Мильхара. — Мы проверяли его на прошлой неделе. Там нет ничего о Павле и его сестре.

— Кто делал копию?

— Архивная группа. Документ поступил из другого хранилища.

Демьян снова посмотрел на отметки.

— Значит, у нас два документа из разных дел и два независимых источника копирования.

— Но это ещё не означает, что отметка имеет отношение к вмешательству в память, — сказала Мильхара.

— Не означает, — согласился он. — Однако совпадение нужно объяснить.

Он проверил регистрационные номера, сверил даты получения копий и записал, где хранились оригиналы. Затем попросил Мильхару не складывать листы вместе, пока они не зафиксируют их первоначальное положение и не сделают отдельные снимки.

— Ты думаешь, кто-то мог перенести отметку с одного документа на другой? — спросила она.

— Я думаю, что пока мы не знаем, что она означает. И если мы хотим выяснить это, нельзя обращаться с бумагами так, будто ответ уже найден.

Он произнёс это без упрёка. От этого слова подействовали сильнее.

Мильхара отодвинулась от стола.

— Хорошо. Фиксируем всё отдельно.

Они работали ещё два часа. Проверили происхождение обеих копий, записали номера дел, составили перечень документов, с которыми отметку можно было сравнить. В старом журнале регистрации обнаружились несколько похожих технических обозначений, но ни одно не совпадало полностью. Одни использовались для указания на повреждённые страницы, другие — для повторного копирования, третьи могли означать, что документ прошёл дополнительную проверку.

Ни одна запись не объясняла трёх коротких черт в незамкнутом прямоугольнике.

Когда Марфа вернулась, она принесла регистрационную книгу и положила её на свободное место.

— Номер уведомления Павла существует, — сказала она. — Но в журнале он относится к другому документу. Здесь зарегистрирован запрос на выдачу копии, а не уведомление о назначенной встрече.

— Значит, письмо могло быть поддельным? — спросила Мильхара.

— Могло. Или номер использовали повторно. Или в журнале есть ошибка. Я не исключаю ни одной версии.

— А подпись?

— Её нужно сравнить с образцами того периода. Я уже запросила доступ к ним.

Демьян указал на отметки.

— Мы нашли похожую техническую деталь ещё в одном деле.

Марфа наклонилась над столом. Увидев прямоугольник и три черты, она не сразу что-то сказала. Её лицо осталось почти неподвижным, но пальцы, лежавшие на краю регистрационной книги, медленно сжались.

— Ты знаешь, что это? — спросила Мильхара.

Марфа не ответила сразу.

— Я видела похожую отметку в закрытых материалах Совета.

— В каких именно?

— В документах, которые не входили в обычный архивный оборот. Там отмечали дела, связанные с ограничением доступа к отдельным фрагментам памяти.

Демьян выпрямился.

— Ты уверена?

— Нет. Я уверена, что видела похожую отметку. Я не уверена, что эта означает то же самое.

— Почему ты не сказала об этом раньше?

Марфа посмотрела на него.

— Потому что раньше у нас не было этой отметки. А сейчас я не хочу выдавать сходство за тождество.

Демьян отвёл взгляд к бумагам.

— Хорошо. Тогда нам нужен закрытый реестр.

— Он не сохранился целиком, — сказала Марфа. — Часть материалов передали на проверку, часть обнаружили уже после падения Совета. Некоторые записи не имеют исходных номеров.

— Значит, будем искать то, что сохранилось.

— Да.

Мильхара почувствовала, как внутри нарастает знакомое нетерпение. Ей хотелось немедленно увидеть тот реестр, найти в нём отметку и получить подтверждение, что все эти детали связаны. Но именно такого решения Арден от неё и не хотел: она уже знала, как легко ожидание превращает отдельные совпадения в одну убедительную, но, возможно, ложную историю.

Она посмотрела на два документа.

Они были разными. Пришли из разных хранилищ. Относились к разным людям и разным делам. Но техническая отметка на них совпадала слишком точно, чтобы оставить её без внимания.

— Если отметка действительно связана с ограничением доступа к памяти, — сказала Мильхара, — кто-то мог использовать старую процедуру после заключения нового договора.

— Или кто-то продолжает пользоваться старой системой маркировки по другой причине, — ответил Демьян.

— Ты всегда выбираешь самую скучную версию.

— Я выбираю ту, которую ещё можно проверить.

— А если она окажется правдой?

— Тогда нам будет проще доказать это.

Марфа закрыла регистрационную книгу.

— Есть ещё одна проблема. Если отметка принадлежит старой системе, мы должны выяснить не только, кто её поставил, но и на каком этапе. Её могли нанести при создании документа, при копировании, при хранении или при последующей проверке.

— То есть она может указывать не на того, кто вмешивался в память, а на того, кто обрабатывал бумагу, — сказала Мильхара.

— Именно.

Демьян собрал копии в отдельную папку и закрыл её.

— До получения дополнительных данных мы не связываем Павла с делом о временном ограничении доступа. Это два самостоятельных дела. Мы фиксируем совпадение отметки, проверяем происхождение документов и ищем независимые подтверждения.

— А Павлу что скажем? — спросила Мильхара.

— Что его обращение принято и проверка продолжается. Не обещаем ему ответ, которого у нас пока нет.

— Он пришёл сюда, потому что боится, что ему изменили память.

— Тогда тем более мы не должны подтверждать его страх только потому, что нашли странную отметку на бумаге.

Мильхара не ответила.

Вечером, когда архив почти опустел, она осталась у окна. В стекле отражались полки, столы и узкая полоса света от настольной лампы. Раньше ей казалось, что память похожа на комнату, где можно открыть ящик и увидеть, что в нём лежит. Теперь она понимала: иногда ящик был пуст не потому, что содержимое исчезло. Иногда человек не знал, существовал ли он вообще. А иногда воспоминание оставалось на месте, но путь к нему становился другим.

Она не пыталась коснуться собственной памяти магически. Не искала скрытых связей. Просто перебирала известные факты.

Павел помнил разговор.

Документ утверждал, что встречи не было.

Номер уведомления существовал, но был зарегистрирован иначе.

Два независимых дела содержали одинаковую техническую отметку.

Марфа узнала её сходство с обозначениями из закрытых материалов Совета.

Ни один из этих фактов сам по себе не доказывал, что кто-то продолжает вмешиваться в память. Вместе они требовали расследования.

Мильхара достала чистую карточку и написала на ней:

«Не считать совпадение доказательством. Не считать отсутствие записи доказательством отсутствия события. Проверить происхождение каждого документа отдельно».

Она перечитала написанное и добавила ниже:

«Не вмешиваться в память, пока не установлены обстоятельства и не получено согласие».

Карточку она положила в папку нового дела.

За дверью послышались шаги. В комнату вошёл Арден. Он снял перчатки, положил их на стол и сразу заметил папку.

— Новое обращение?

— Да. И, возможно, след старой процедуры.

— Возможно?

— Пока только возможно.

Арден посмотрел на неё внимательнее.

— Кто-то научил тебя не торопиться?

— Кто-то очень настойчиво запрещает мне торопиться.

— Значит, урок приносит пользу.

Мильхара рассказала ему о Павле, документах и совпадающей отметке. Арден не перебивал. Когда она закончила, он попросил показать обе копии, изучил их и вернул на стол.

— Что ты собираешься делать дальше?

— Проверить происхождение отметки. Найти старый реестр, сравнить его с сохранившимися документами и выяснить, можно ли установить, на каком этапе она появилась.

— Хорошо. А что ты думаешь об истории Павла?

— Что он действительно помнит этот разговор. Но пока я не могу сказать, происходил ли он в действительности.

— И что ты думаешь о Совете?

Мильхара посмотрела на него.

— Что Совет официально пал. Но если его методы продолжают использоваться, падение учреждения ещё не означает исчезновения системы.

Арден медленно кивнул.

— Это разумная гипотеза. Не вывод.

— Я знаю.

— Тогда запомни: прежняя система могла пережить своих руководителей. Она могла сохраниться в инструкциях, привычках, неразобранных хранилищах и людях, которые до сих пор считают её правила необходимыми. Но не всякая старая отметка означает продолжение прежней практики. Мы должны установить, что именно перед нами.

— А если кто-то действительно продолжает вмешиваться?

— Тогда мы должны остановить его. Но не ценой ещё одной ошибки, которую потом придётся исправлять в чужой памяти.

Он направился к выходу, но у двери остановился.

— И ещё, Мильхара. Не пытайся стать быстрее самого расследования.

— А если расследование окажется быстрее меня?

— Тогда тебе придётся научиться идти за ним, не теряя способности думать.

Когда дверь закрылась, Мильхара снова посмотрела на папку.

На её обложке пока не было названия. Только дата, номер регистрации и короткая запись: «Несовпадение свидетельства и архивных данных».

Она подумала, что это слишком скучно для дела, которое могло оказаться важным.

Потом вспомнила слова Демьяна и оставила название без изменений.

За пределами архива город жил обычной жизнью. Люди возвращались домой, покупали хлеб, спорили о мелочах, забывали обещания и вспоминали давние обиды. Никто из них не знал, что в одной из комнат снова начали сравнивать старые записи, пытаясь понять, почему прошлое оставляет одинаковые следы в историях, которые никогда не должны были пересекаться.

Мильхара закрыла папку.

Расследование только начиналось.

И впервые после заключения нового договора она подумала не о том, что осталось от Совета Безмолвия, а о том, что могло продолжать жить без него.

Глава 2. Человек с двумя историями

На следующее утро Демьян пришёл в архив раньше остальных.

Он принёс с собой две папки, несколько листов с выписками и чашку кофе, которую поставил на самый дальний край стола, подальше от документов. В первой папке лежали материалы по обращению Павла Андреевича. Во второй — сведения о других случаях, когда семейные воспоминания не совпадали с официальными записями. Таких дел оказалось меньше, чем он ожидал, но достаточно, чтобы понять: архивная ошибка не всегда оставалась единичной.

Он не стал объединять дела. Вместо этого разложил их по отдельным группам и составил таблицу: дата события, дата первой записи, источник сведений, происхождение копии, обнаруженные противоречия.

Работа была скучной, кропотливой и почти не давала ощущения продвижения. Но к полудню Демьян обнаружил одну закономерность.

В нескольких делах запись о событии существовала, а запись о человеке, который должен был его подтвердить, отсутствовала. В других случаях человек значился в реестре, но его подпись не совпадала с подписью на сопутствующих документах. Ещё в двух делах даты были

исправлены, причём исправления выглядели настолько аккуратно, что могли быть приняты за первоначальную запись.

Ни один из этих случаев не доказывал вмешательства в память. Все они могли объясняться небрежностью, ошибками переписчиков или неправильной передачей архивов после падения Совета.

Но теперь Демьян искал не отдельную ошибку. Он искал способ, которым ошибки могли образовать систему.

— Ты собираешься провести здесь весь день? — спросила Мильхара, входя в комнату.

— Если ты принесла мне обед, то да.

— Я принесла вопрос.

— Тогда, вероятно, до вечера.

Она положила на стол записную книжку.

— Я хочу увидеть записи Павла до того, как он придёт снова. Не только документы, но и то, что он сам записал о разговоре.

— Зачем?

— Чтобы понять, меняется ли его рассказ.

Демьян отложил перо.

— Ты думаешь, что он врёт?

— Нет. Я думаю, что воспоминание может меняться, когда человек пытается его восстановить. Если он каждый раз дополняет картину новыми подробностями, это не обязательно означает обман. Но нам важно понять, какие детали он помнил изначально, а какие появились позже.

— Хорошо. Только не превращай последовательность рассказа в проверку на правдивость. Человек может вспоминать хаотично и при этом говорить правду.

— Знаю.

— Ты сегодня часто говоришь, что знаешь.

— Потому что ты сегодня часто напоминаешь мне то, что я уже знаю.

— Значит, мы оба работаем над собой.

Мильхара села напротив и открыла записную книжку Павла. В ней были перечислены даты запросов, номера документов, имена сотрудников, с которыми он разговаривал по другим вопросам, и несколько коротких записей о предполагаемой встрече. Они были сделаны в разное время. Самая ранняя содержала всего одну фразу: «Сказали, что пока нельзя. Приходить через неделю».

На другой странице Павел уточнил: «В комнате с треснувшим окном. Мужчина за столом. Говорил о деле сестры».

Ещё позднее появилась запись о чашке с отколотой ручкой и фразе о том, что он потеряет больше, чем найдёт.

— Подробности добавлялись постепенно, — сказала Мильхара.

— Или он записывал их не сразу, — ответил Демьян. — Это разные вещи.

— Да. Но фраза о потере появилась только через несколько месяцев после первой записи.

— Ты спросишь его, когда именно он впервые вспомнил её.

— И не буду подсказывать ответ.

Демьян одобрительно кивнул.

Они работали ещё около часа, когда в архив пришла Марфа. Она принесла сведения о старом регистрационном бланке и сообщила, что подпись на уведомлении пока не удалось подтвердить. Образцы за нужный период сохранились не полностью.

— Но есть ещё кое-что, — сказала она. — В старом реестре упоминается помещение, в котором могли проводить закрытые встречи. Номер комнаты не указан. Только обозначение сектора и отметка о временном ограничении доступа.

— Это тот же сектор, где хранились документы о вмешательствах в память? — спросила Мильхара.

— Частично. Но сектор использовали для нескольких типов дел. По одному обозначению нельзя определить назначение конкретной встречи.

— Мы сможем попасть туда?

— В само помещение — пока не знаю. Часть старых комнат уже обследовали, часть закрыли из-за повреждений. Я запросила план здания и журнал передачи ключей.

Демьян посмотрел на неё.

— Ты сама решила сообщить нам об этом?

— Да.

Он ничего не ответил, но Мильхара заметила, что его лицо стало чуть менее напряжённым.

Марфа уже не пыталась оправдывать каждую неточность и не прятала документы за формулировками о служебной необходимости. Однако доверие не возвращалось от одного правильного поступка. Демьян по-прежнему проверял каждое её утверждение, а Марфа принимала это сдержанно, хотя иногда в её взгляде появлялась усталость.

— Павел придёт после полудня, — сказала Мильхара. — Нам нужно подготовить вопросы.

— Я буду присутствовать? — спросила Марфа.

— Если он не возражает.

— Тогда я подожду его согласия.

В этот раз Павел Андреевич пришёл точно в назначенное время. Он выглядел уставшим, но держался спокойнее, чем накануне. В руках у него была небольшая папка с копиями семейных писем.

— Я подумал, что они могут пригодиться, — сказал он. — Там есть несколько вещей, которые я не могу объяснить.

— Мы посмотрим их, — ответил Демьян. — Сначала хотим уточнить несколько обстоятельств. Если какой-то вопрос покажется вам слишком личным, вы можете не отвечать.

Павел кивнул.

Мильхара начала с самого простого: попросила рассказать о предполагаемой встрече так, как он помнил её сейчас, не заглядывая в записи.

Павел закрыл глаза на несколько секунд.

— Я пришёл в архив после получения письма. Было холодно. В коридоре пахло мокрой одеждой и пылью. Я помню, что долго ждал. Потом меня пригласили в комнату. Там был мужчина. Не старый, но и не молодой. Тёмные волосы, кажется, с проседью. Он сидел за столом и просматривал бумаги.

— Вы помните его лицо? — спросил Демьян.

— Не целиком. Когда пытаюсь представить, лицо словно распадается на отдельные детали. Но я помню голос.

— Вы узнали бы его, если бы услышали снова?

Павел задумался.

— Не уверен.

— Хорошо. Не нужно пытаться угадать.

Мильхара задавала вопросы о последовательности событий. Павел рассказал, что мужчина сначала объяснил задержку с выдачей документов, затем сказал, что дело требует дополнительной проверки. Только после этого прозвучала фраза о потере.

— Вы помните, что ответили? — спросила она.

— Кажется, спросил, что именно я могу потерять.

— А что он ответил?

Павел нахмурился.

— Не помню. Возможно, ничего. Может быть, он просто посмотрел на меня, а потом перевёл разговор на другое.

— Вы помните, как закончилась встреча?

— Да. Он сказал прийти через неделю. Я вышел в коридор и долго не мог найти лестницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.